

УДК 101.8 /167/168

ФИЛОСОФСКИЙ СПОР КАК ФОРМА РАССУЖДЕНИЙ О ПРИРОДЕ СЛОЖНОГО: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Бусов С. В.¹, Зобова М. Р.²

¹Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: swbusoff@mail.ru

²Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: mrzobova@mail.ru

Диалог, полемика, диалектика, парадокс, апория, антиномия – все это многообразие способов выразить и понять сложную природу вещей может быть сведено к форме философской дискуссии с целью поиска истины. Для разрешения проблемы сложности требуется новый метод, возникший в недрах теории самоорганизации, где основными категориями становятся понятия порядка и хаоса. Речь идет о вариантах перехода «от механизмов к организмам», которые определяют радикальное изменение характеристик системы. Среди такого рода переходов особое место принадлежит бифуркации, которая качественно меняет характер эволюционного процесса. Из понимания того, что мир стохастичен, что существуют бифуркационные зоны, следует необратимость эволюционного процесса и его направленность. Принципы отбора становятся важнейшими законами природы. Кант полагал, что наличие пропасти между явлением и сущностью, феноменом и «вещью в себе» не позволяет нам видеть истинную картину и ответить, состоит ли сложное из простого, может ли простое «усложниться», а сложное «упроститься». Если Кант полагал невозможным понять переход «от механизмов к организмам», то Гегель, оперируя концепцией «мирового разума», попытался разрешить эту апорию, «снять» дихотомию простого/сложного в понятии развития – с помощью «диалектической триады». Необоснованное сведение отбора — механизма эволюции — к логическому выводу, к механизму мышления, приводит к упрощению образа реальности. Но это необходимо, поскольку позволяет применять логические установки на практике. Свобода – важнейший элемент спора, диалога, дискуссии, она формирует варианты компромиссных решений. Непосредственное или опосредованное преобразование объекта – единственный путь постижения истины человеком. Но этот путь закрыт, если нет свободы преобразований, если человек не учитывает «творческую роль хаоса».

Ключевые слова: диалектика, синергетика, спор, сложность, отбор, выбор, вывод, истина, свобода

Парадоксальное существование сложного в природе ставит под сомнение те «основания простоты», на которых строятся многие описания законов современной науки. Существование мира действительно парадоксально и многими рассматривается с позиций «чуда». Спор философов избран нами в качестве основного способа размышлений о мире, значит, в таком споре должна присутствовать какая-то эмпирическая база. Феноменальный мир как материал опыта служит предметом рассудочного научного познания, из чего – сложным путем –

возникает система понятий и принципов, способная выразить суть объективных законов, определяющих бытие вещей. Философы могут, конечно, и об этом поразмышлять, но думаю, что они отнимают здесь чужой хлеб.

И. Кант в «Критике чистого разума», по сути, вынес предмет философской беседы в область чистого разума. Трудности разума связаны с тем, считает Кант, что он имеет дело не с научными понятиями (сфера рассудка), а с идеями (сфера разума). Идея — такое понятие, которому, в отличие от понятий науки, в чувственном созерцании нет адекватного объекта. По Канту, разум создает идеалы (о Боге, о мире как совокупности всего возможного опыта и о душе), а также парадоксы или антиномии, необходимо выходящие за границы чувственного опыта. Какое отношение идеалы имеют к истине — главный вопрос, на который он пытался найти ответ, создавая свои «Критики». Немецкий философ не отрицал существования реальности, вещей самих по себе. Знания о них, если они возможны, он соотнес с абсолютной истиной, которая, однако, недоступна ни рассудку, ни разуму. Уже упоминалось об антиномиях, как исключаяющих друг друга равно-доказуемых суждениях. Кант предложил четыре космологические идеи, где тезис и антитезис одинаково доказуемы и одинаково опровергаемы.

1. **Тезис:** мир имеет начало (границу) во времени и пространстве.

Антитезис: мир бесконечен во времени и безграничен пространстве.

2. **Тезис:** все в мире состоит из простого.

Антитезис: в мире нет ничего простого, все сложно.

3. **Тезис:** все в мире имеет причину своего существования.

Антитезис: в мире есть свобода.

4. **Тезис:** в ряду мировых причин есть некая необходимая сущность.

Антитезис: в этом ряду нет ничего необходимого, все в нем случайно [1, с. 402-431].

Здесь Кант как бы сталкивает в каждой из антиномий противоположные суждения об общем предмете, соответствующие концепциям разных философов и ученых, живших в разные эпохи. Это и можно считать диалогической формой философского текста. 2-я антиномия «сложного и простого» представляет собой явно антиэволюционистскую точку зрения, где категории абсолютно противоположны, хотя, на самом деле, они соотносительны. С современной точки зрения есть все основания выводить сложное из простого и до известного предела сводить сложное к простому: то, что на сегодня рассматривается как простое, с прогрессом познания будет оцениваться уже как сложное. Кант полагал, что наличие пропасти между явлением и сущностью, феноменом и «вещью в себе» «не позволяет нам видеть истинную картину, а именно, состоит ли сложное из простого, может ли простое «усложниться», а сложное «упроститься». Философ приходит к агностическому выводу о том, что антиномия есть граница науки, далее — остается лишь верить. Вывод опасный: спор не ведет к истине, но он, по крайней мере, позволяет точнее сформулировать проблему.

После Канта с его «вещью-в-себе», непознаваемой для человека, лишь Г. Гегель фундаментально обосновал идею познаваемости мира. Правда, ему пришлось для

этого существенно реформировать самого субъекта познания, каковым становится уже не столько человек, сколько «мировой разум», способный, в частности, разобраться и с проблемой сложного и простого. Вся история познания человеком самого себя и мира в целом является лишь предметным воплощением логического саморазвития Абсолютной идеи. Соотнося историческое и логическое, мы, согласно Гегелю, обозначаем в первом развитие самого объекта, а во втором — развитие его познания. Здесь просматривается скрытый, а кое-где и явный, диалог с Кантом. Если Кант полагал невозможным понять переход от механизмов к организмам, то Гегель, оперируя концепцией субстанции-субъекта, попытался разрешить эту апорию, снять дихотомию в понятии развития, а, точнее, с помощью диалектической триады. Но самое интересное в том, что Гегель выступил своеобразным синтезом мнений своих непосредственных предшественников – не только Канта, но также Фихте и Шеллинга (имеется в виду ранний натурфилософский этап творчества Шеллинга). «Природа должна быть рассмотрена как система ступеней, каждая из которых необходимо вытекает из другой и является ближайшей истиной той, из которой она проистекала, причем, однако, здесь нет естественного (natürlich) процесса порождения, а есть лишь порождение в лоне внутренней идеи, составляющей основание природы. Метаморфозе подвергается лишь понятие как таковое, так как лишь его изменения суть развитие» [2, с. 33] – пишет он. Отказывая самой природе в развитии, Гегель отказывает в постижении понятия развития философам, не владеющим диалектической логикой – логикой диалектической триады. Но поскольку сама формальная логика является необходимой предпосылкой диалектики, то мнения ее представителей интересны и потому составляют для Гегеля важный элемент философского спора. Анализируя антиномию Канта, он называет ее «доказательство... целым гнездом... ошибочных способов рассуждения» [3, с. 268]. Гегель приходит к выводу, что если «каждая из двух противоположных сторон содержит в самой себе свою другую и ни одну из них нельзя мыслить без другой, то из этого следует, что ни одно из этих определений, взятое отдельно, не истинно, а истинно лишь их единство» [3, с. 271]. Переходы простого в сложное и обратно, по Гегелю, происходят в мировом Разуме, на понятийном уровне, а не «на земле».

Гегелевское диалектическое представление о переходе простого в сложное и обратно, было подхвачено К. Марксом и Ф. Энгельсом. Правда, для них субъектом познания и практики становится человек – как единичный субъект, так и субъект в лице общества, а не Мировой дух. Источник самодвижения исторического процесса усматривался Марксом и Энгельсом во внутреннем противоречии способа общественного воспроизводства, когда предпосылки переходят в результаты, а те, в свою очередь, становятся вновь предпосылками для нового витка развития общества. Категория сложности (в процессе воспроизводства общества) снимается категорией целого или целостности, а категория простого – соответственно категорией части. С перенесением с предмета природы на предмет истории общества и его развития становятся понятными взаимные переходы целого и части, а также то, как формируется системно-материалистический взгляд на общество и природу.

В свое время проблема части и целого (и соответственно – проблема простого и сложного) ставилась в диалоге Платона «Теэтет». «А вот состоящие из этих

первоначал вещи и сами представляют собой некое переплетение, и имена их, также переплетаясь, образуют объяснение.... Таким образом, эти начала необъяснимы и непознаваемы, они лишь ощутимы. Сложенное же познаваемо, выразимо и доступно истинному мнению» [4, с. 264]. Целое, согласно Платону, хоть и состоит из частей, но не равно их сумме, не сводится к ним. Интуиция подсказывала философу, что целое характеризуется уже каким-то новым качеством, отсутствующим у его частей. Целое есть умопостигаемая идея. Определилась первичность целого, как эйдоса, по отношению к его частям, но разрыв целого и части приводит к отрыву сложного от простого. Так, эйдос как предельно простое и неделимое есть сущность вещи, но вещь, как сложное, состоящее из частей, тем не менее, не состоит из эйдосов. Возникают парадоксы платонизма, с которыми боролся Аристотель. Другое направление античной мысли – атомизм – казалось бы, снимало парадоксальность платоновского идеализма, но впадало в такой редуционизм, при котором сложное лишалось качественных преимуществ по отношению к своим частям.

Кантовская антиномия оставалась не решенной вплоть до XX в., поскольку для её решения требовался совершенно новый взгляд на процессы, в котором должна присутствовать также «эволюция хаоса», а не только «эволюция порядка». Возвращаясь к марксистской диалектике, можно видеть, как в поиске решения проблем целого/части, сложного/простого К. Маркс, видя границы современной ему науки, пытался сделать окончательный выбор между Гегелем и Ч. Дарвином. Марксизм в целом сознательно стремился соответствовать дарвиновской эволюционной парадигме и, надо признать, преуспел в этом. Сам Маркс всё же критически относился к методологии дарвинизма, он считал, что «прогресс у Дарвина чисто случайный» [5, с. 209]. Многовариантность, нелинейность эволюционного процесса, его стохастика (неточность воспроизводства состояний), далеко не очевидны для теоретиков марксизма, а влияние гегелевского «линейного» мышления, знавшего лишь «эволюцию порядка», еще слишком велико. Философское и мировоззренческое противостояние идеализма и материализма привело не только к научным, но и к социальным революциям. Дихотомия материального и идеального стала основным вопросом философии. Причем материализм, возникший еще в античности и тесно связанный с развитием науки и с проблемой реальности, издавна носил в своей утробе «незаконное дитя» - концепцию хаоса. Это отличало его от идеализма, который признавал лишь «божественный порядок». Однако для разрешения возникшей дилеммы (материализм и идеализм, хаос и порядок) потребуется не лобовой натиск, «разрубание гордиева узла», а новый метод, возникший в недрах теории диссипативных структур (И. Р. Пригожин), где основными категориями становятся как раз понятия порядка и хаоса. Речь идет об изучении общих свойств тех механизмов, в частности, вариантах перехода «от механизмов к организмам», которые определяют радикальное изменение характеристик системы (переходы из одного состояния в другое, от простого к сложному и наоборот). Среди такого рода переходов особое место принадлежит случайным флуктуациям, бифуркациям, которые качественно (а то и катастрофически) меняют характер эволюционного процесса. Из понимания того, что мир стохастичен, что существуют бифуркационные зоны, следует необратимость

эволюционного процесса и его направленность. Принципы отбора признаются важнейшими законами природы.

Смысл принципов отбора меняется от уровня к уровню организации материи. Разрослось и понятие развития, предполагающее способ, посредством которого происходит становление реальности как объективно-материальной, так и идеальной (имеется в виду процесс познания). Дихотомию материального и идеального можно рассмотреть с позиций ряда принципов – эволюции, системности, противоречивости, сложности, конкретности, относительности, даже с позиций антропного космологического принципа. Материальное отбирается (эволюция совершается через естественный отбор), а идеально-логическое выводится (эволюция — через социальный и психологический отбор и, в конечном счете, через логический вывод). Необоснованное сведение отбора, как механизма эволюции, к выводу, как механизму мышления, приводит к упрощению образа реальности. Но и это необходимо, поскольку позволяет применять некоторые логические установки на практике. Критерий отбора может служить фактором, определяющим направление развития знаний. Проблема в том, что понятие отбора и понятие логического вывода нередко формируются в разных мыслительных плоскостях, иначе говоря, для разных познавательных и практических целей. При этом нельзя забывать, что элементы логического вывода присутствуют в отборе, а элементы отбора — в выводе. В сфере сознания отбор и логический вывод — это конструкты, или такие элементы мышления, которые пропускают через себя разнообразную информацию, производя определенного рода селекцию знаний и впечатлений о мире. Отбор приобретает внешнюю форму вывода, не переставая быть отбором, т. е. действуя на других уровнях мышления (интуиция, образное мышление, эмоции) как способ духовной деятельности.

Отбор — это механизм эволюции природы, общества и мышления. Характерными чертами отбора являются его нелинейность, стохастичность (неоднозначность, наличие ошибок при воспроизводстве структуры), сложность, открытость и необратимость. Вывод берет от отбора только то, что соответствует определенной мыслительной норме, т. е. фактически подчиняется культурному логическому стереотипу, распространенному в данный исторический период среди людей определенного круга. Так формируется логическая парадигма, которая довлеет до тех пор, пока противоречие между отбором и выводом не достигнет максимума неравновесности, хаоса. Здесь, в зоне бифуркации, логическая система испытывает значительные флуктуации, а сдерживающие механизмы сознательного контроля над ней перестают действовать. Тогда происходит революция в способах мышления или качественный скачок, переход к другой форме соответствия отбора и вывода [6, с. 142-143].

Рассмотрим теперь, чем выбор и отбор отличаются друг от друга. Отбор, как уже говорилось, есть объективный сущностный механизм эволюции, действующий способом, по сути, независимым от воли и желания людей. Однако отбор имеет место и в общественной эволюции, а именно социальный отбор. В социальном отборе действует подсистема выбора, т. е. определенная форма социального отбора, выраженная в определенных поступках людей. Выбор, в свою очередь, тесно связан

с механизмом воли, действующим на уровне психики, как отдельных людей, так и групп. «Взаимодействие социального отбора, выбора и воли формирует феномен свободы, т. е. важнейшее системное качество общественной жизни, присущее жизнедеятельности отдельных людей и групп» [7, с. 320].

Свобода – важнейший элемент спора, диалога, дискуссии, она, в частности, формирует варианты компромиссных решений. Так, «если знание, претендующее на истину, лишается признаков свободного его достижения и постижения, то истина обращается в ложь, поиск истины суживается: чем меньше вариантов (интерпретаций), тем меньше полнота истины. Непосредственное или опосредованное преобразование объекта – вот, пожалуй, единственный путь постижения истины человеком. Но этот путь закрыт, если нет свободы преобразований, если, например, человек не учитывает творческую роль хаоса» [8, с. 27]. Имея представление, что такое отбор, вывод и выбор, легко уяснить, почему понятие реальности оказывается в «прокрустовом ложе» выводного знания, присутствующего в любом споре. Не уяснив вопрос «как возможно познание реальности? «относительно позиции каждого из участников дискуссии, невозможно прийти при завершении диалога к какому-то единому мнению. По сути, мы вернулись к кантовской проблематике. В науке понятие реальности тесно связано с понятием закономерности. В эксперименте повторяемость того или иного явления есть особый критерий истинности научного факта, т. е. прямое подтверждение реального существования объекта исследования. Для философии важен эпистемологический аспект, а он может быть разным – в зависимости от мировоззрения и от философской позиции сторон спора. Даже исключая крайности таких позиций, как агностицизм или идеализм versus материализм, мы натываемся на трудности взаимопонимания в том случае, если «Если ориентироваться на знание как на “коммуникативное ядро” человеческой активности, то речь пойдет об идеале. Наоборот, ориентация на знание, содержащее момент “совпадения с объектом”, есть ориентация на истину. Вместе с тем, если бы знание ориентировалось только на истину, его ценность для человека была бы ничтожна. Этот парадокс разрешим путем отнесения знания к ценности, которая не может существовать отдельно от человека, поскольку ценность знания лишь тогда значима, когда она связана с человеком, с его потребностью в истине и “оценивается” через соотнесение с идеалом» отсутствует общая эмпирико-научная база, которая не позволит отдалиться от реальности. [8, с. 26]. Выясняется, что в споре рождение истины – весьма редкий случай, чаще всего спор или дискуссия завершается обнаружением общего идеала, объединяющего людей, стремящихся к истине: да, мы не пришли к истине, но мы ценим сам процесс познания и нас соединяет общее стремление к преодолению любых трудностей на пути к истине. Но чтобы прийти к такому компромиссному решению, необходим именно свободный выбор, а не логический вывод. Действительно, логический вывод требуется тогда, когда дело касается истины и необходим некий алгоритм, позволяющий исключить субъективный момент проявления воли и эмоциональных предпочтений сторон диалога. Другое дело – общий идеал, который объединяет людей схожих мировоззрений и философских установок: да, истина пока недостижима, но мы движемся к ней в одном направлении.

В качестве резюме данной статьи рассмотрим ситуацию, когда в научном споре требуются философские основания, чтобы, не ожидая момента, когда время покажет, кто прав, решиться сделать выбор в направлении дальнейших исследований. Из истории науки известно: чтобы произошел прорыв в той или иной области научных исследований, необходим философский селектор. В. П. Бранский пишет: «Философские принципы играли роль не исходных посылок для получения дедуктивным путем каких-то следствий, а роль селекторов для отбора» [9, с. 206]. Роль такого селектора в космологии выполняет антропный космологический принцип (АП). «Сильный АП в смысле принципа соответствия является только необходимым принципом выбора космологической модели Вселенной, но далеко не всегда достаточным. АП работает не в одиночку, а в системе других фундаментальных принципов и категорий» [6, с. 130]. Так, в 2004 г. на Западе состоялась знаковая полемика по АП между физиком-теоретиком Ли Смолиным (Институт теоретической физики, Ватерлоо, Канада) и одним из создателей теории струн Леонардом Сасскиндом (Стэнфордский университет, США). Спор возник по поводу аргумента Смолина, что «антропный принцип не может дать никаких фальсифицируемых предсказаний, а поэтому не может быть частью науки» [10]. По нашему мнению, совпадающему с точкой зрения Сасскинда, позиция Смолина не учитывала два момента. Во-первых, сомнительно, что законы природы работают на увеличение числа черных дыр во Вселенной, поскольку не ясна важность количества черных дыр в определенной вселенной. Допустим, для нашей Вселенной число черных дыр равно числу галактик, но это не означает, будто она будет иметь преимущество по сравнению с другими возможными вселенными. Тем не менее, Смолин предпочел утверждать, что наша Вселенная имеет больше черных дыр, чем любая другая возможная вселенная. Однако в соответствии с истинным определением черной дыры их меньшее число для нашей Вселенной является более привлекательным и отвечает принципу максимума устойчивости. По мнению Сасскинда, если бы в нашей Вселенной преобладали черные дыры, то вся материя всосалась бы в них, и жизнь была бы невозможна. Во-вторых, идею Смолина, утверждает Сасскинд, можно связать со старым тезисом С. Хокинга о том, что информация может «упасть» в черную дыру и оказаться в ловушке за линией горизонта событий. Смолину для подтверждения своей концепции требуется, чтобы большая часть информации была передана из родительской вселенной ребенку через «отталкивающую сингулярность». Но физика черных дыр и теория струн за последнее десятилетие доказывают, что никакая информация не может быть передана таким образом. Смысл работ Сасскинда в том, что никакая информация о родителе не может пережить бесконечно искажающую сингулярность в центре черной дыры: вселенная-ребенок не будет похожа на мать.

Суть спора выдающихся физиков сводится к вопросу: является ли АП барьером, ограждающим нас от выхода за пределы известных законов природы, или нет? АП, а также принцип максимальной устойчивости могут послужить в качестве селекторов при выборе варианта дальнейшего пути научного исследования по конкретной проблеме, способных оградить ученого от научного тупика в виде теоретического парадокса или антиномий в духе Канта. Стоит только в теоретическом исследовании

выйти за границы предметной области, соответствующей данной теории, как возникают парадоксы, что мы нередко наблюдаем в области космологии. АП и ряд других селективных принципов философии призваны «нащупывать» эти границы и не позволять сталкиваться с парадоксами (таковы, например, «расходимости в квантовой теории поля», указывающие на то, что теория вышла за границы применимости). На это, собственно, указывают возражения Сасскинда в споре с Ли Смолиным, поскольку концепция последнего противоречит АП, т. е. во «вселенной Смолина» с возрастающим количеством черных дыр невозможно появление наблюдателя в виду исчезающе малого числа возможностей усложнения космологического субстрата (материи Вселенной). «Роль АП очевидна – не только в области космологии, но и в других областях человеческого знания, в частности, в этике – служить своеобразным “поводырем”, нащупывая границы в той или иной предметной области, предостерегать исследователя от умножения сущностей и построения заведомо необоснованных гипотез» [11, с. 325]

Диалог по проблеме сложности может быть продуктивным лишь в том случае, если мы, как пишет В. И. Аршинов, станем строить разговор «в контексте превращения открытия сложностности в метод познания сложностности, от сложностности природы к природе сложностности» [12, с. 113]. Это подтверждают также слова Э. Морена: «Мы можем мыслить, только исходя из когнитивной практики..., которая заставляет продуктивно взаимодействовать понятия, являющиеся бесплодными, когда они разъединены или вступают в антагонистическое противоречие друг с другом» [13, с. 436]. Намечается переход к преодолению антиномий, как это случилось когда-то – от Канта к Гегелю, – но уже на новом витке развития философии, овладевающей «природой сложности».

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума/ Соч. в 6 т.: Т.3. М.: Мысль, 1964. – 798 с.
2. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы. Отв. ред. Е. П. Ситковский. М.: Мысль, 1975. – 695 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1970. – 501 с.
4. Платон Тезтет. Собрание сочинений в 4 т. Т.2 /Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1993. С. 192-274.
5. Маркс К. - Ф. Энгельсу от 7 августа 1866 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 31. М.: Издательство политической литературы, 1963. С. 208-210.
6. Бусов С. В., Зобова М. Р. Антропный принцип в свете эволюционизма и синергетики. – СПб.: АИК, 2016. – 392 с.
7. Бусов С. В. Общественное производство и социальный отбор // Новые идеи в философии. Вып. 18: Актуальные проблемы научной философии: межвуз. сб. науч. тр.: мат-лы Всерос. науч. конф. Пермь, 16–18 апреля 2009 г.: в 2-х т. Т. 2. Пермь: Изд-во ПГУ, 2009. С. 316–325.
8. Бусов С. В. Конвертируемость свободы в жизни человека и общества с точки зрения социальной синергетики / С. В. Бусов // Вестник Волг. гос. ун-та. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 3 (33). С. 23-28.
9. Бранский Владимир П. Философия физики XX века. Итоги и перспективы. СПб.: Политехника, 2002. – 253 с.
10. Smolin Lee. Susskind Leonard: The Anthropic Principle. Available at: <http://edge.org/conversation/smolin-vs-susskind-the-anthropic-principle> (Дата обращения: 21.11.2019)

11. Бусов С. В., Зобова М. Р. Антропный принцип и проблема антиномий / Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 318-327.
12. Аршинов В. И. Трансгуманизм в перспективе эволюции сложности / Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11-12 апреля 2013 г. / Под ред. Д. И. Дубровского, С. М. Климовой. - М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С.108-123.- 352 с.
13. Морэн Э. Метод. Природа Природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005. - 464 с.

Busov S. V., Zobova M. R. Philosophical Dispute as a Form of Reasoning on the Essence of the Complexity: Synergistic Approach // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 1. – P. 14–23.

The dialogue, the polemics, the dialectics, the paradox, the aporia, the antinomy - all these are variety of ways to express and understand the complex nature of things that can be reduced to a form of philosophical discussion in order to search the truth. To solve the problem of complexity is required a new method arising in the bowels of the theory of self-organization where the main categories become order and chaos. We are talking about transition options "from mechanisms to organisms", which determine the radical change of the system's characteristics. Among such transitions the special place belongs to bifurcation qualitatively changing the nature of the evolutionary process. From the understanding the fact that the world is stochastic and there are bifurcation zones follows the irreversibility of the evolutionary process and its orientation. The principles of selection become the most important laws of nature. Kant assumed that the gap between the phenomenon and the essence, the phenomenon and the "thing in itself" does not allow us to see the true picture that is whether the complex consists of the simple, whether the simple be "complicated", and the complex be "simplified." If Kant considered it impossible to understand the transition "from mechanisms to organisms" Hegel using the concept of "world mind" tried to resolve this aporia that is to "remove" the dichotomy of simple / complex in the notion of development using the "dialectic trine". The unreasonable reduction of selection - the mechanism of evolution - to a logical conclusion, to the mechanism of thinking leads to simplification of reality image. But this is necessary because it allows using logical settings in practice. Freedom is the most important part of the dispute, the dialogue, the discussion because it forms the variations of compromise solutions. The direct or indirect transformation of the object that is, perhaps, the only way of achievement truth by man. But this way is closed if there is no freedom of transformation, if the person does not take into account the "creative role of chaos."

Keywords: dialectics, synergetics, dispute, complexity, selection, choice, conclusion, truth, freedom

References

1. Kant I. Sochineniya v 6 tomakh [Collected Works in 6 Volumes]. Moscow, Mysl Publ., 1964. Vol. 3, Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason], 798 p.
2. Gegel G. Entseklpediya filosofskikh nauk [Encyclopedia of Philosophy of Sciences]. Moscow, Mysl Publ., 1975. Vol. 2, Filosofiya prirody [Philosophy of Nature], 695 p.
3. Gegel G. Nauka logiki [Science of Logic]. V 3 tomakh [in 3 volumes]. Moscow, Mysl Publ., 1970. Vol. 1, 501 p.
4. Plato. Sochineniya v 4 tomakh [Collected Works in 4 Volumes]. Moscow, Mysl Publ., 1993. Vol. 2. Teetet [Theaetetus], p. 192-274.
5. Marks K., Engels F. Sochineniya. 2-e izdanie [Collected works. 2nd edition]. Moscow, Political Literature Publishing House, 1963. Vol. 31, Marks K. – F. Engelsu ot 7 avgusta 1866 g. [Letter from Marx K. to F. Engels of August 7, 1866], p. 208-210.
6. Busov S. V., Zobova M. R. Antropny printsip v svete evolyutsionizma i sinergetiki [The Anthropic Principle in the Light of Evolutionism and Synergetics]. Sant-Petersburg, AIK Publ., 2016, 392 p.
7. Busov S. V. Obshchestvennoe proizvodstvo i sotsialny otbor [Social Production and Social Selection]. [New ideas in philosophy. issue 18: Actual problems of scientific philosophy: interuniversity collection of scientific papers in 2 vols.], Volume 2. Perm, Perm State University Publ., 2009, p. 316-325.
8. Busov S. V. Konvertiruemost svobody v zhizni cheloveka i obshchestva s tochki zreniya sotsialnoy sinergetiki [The Convertibility of Freedom in the Human's and Society Life from the Social Synergy Point

- of View]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosopiya. Sotsiologiya i sotsialnye tekhnologii. [Bulletin of Volgograd State University. Series 7. Philosophy. Sociology and Social Technologies], 2016, № 3 (33), pp. 23-28.
9. Branskiy V. P. Filosofiya fiziki XX veka. Itogi i perspektivy [The Philosophy of Physics of XX-th Century. Results and Prospects]. Sant-Petersburg, Politehnica Publ., 2002, 253 p.
  10. Smolin Lee. Susskind Leonard: The Anthropic Principle. URL: <http://edge.org/conversation/smolin-vs-susskind-the-anthropic-principle> (Accessed: 21 November 2019)
  11. Busov S. V., Zobova M. R. Antropny printsip i problema antinomiya [The Anthropic Principle and the Problem of Antinomies]. Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology], 2017, no 3, p. 318-327.
  12. Arshinov V. I. Transgumanizm v perspective evolutsii slozhnosti [Transhumanism in the Perspective of the Evolution of Complexity (Global Future 2045: Anthropological Crisis. Converged Technologies. Transhumanist Projects)]. Moscow, "Canon +" ROOI "Rehabilitation" Publ., 2014, pp. 108-123, 352 p.
  13. Moren E. Metod. Priroda Prirody [Method. Nature of Nature]. Moscow, Progress-Tradition, 2005, 464 p.